

«Любовь и добро, — настойчиво повторял Сергей Федорович Бондарчук, — вот два необходимых условия на звание Человека. Есть искусство захоронения, как определил философ Николай Федоров, а есть искусство воскрешения. Так, искусство, которое я не признаю сегодня — спекулятивное, жи-

вое, антигуманное, разрушительное, — это и есть искусство захоронения».

В борьбе с ним одия из лучших художников XX века погиб, и общество не сделало ничего, чтобы уберечь его. Напротив, всячески способствовало его гибели!..

Один из самых тяжелых вопросов, которые терзают народное сознание сегодня: почему люди, которым страна отдавала всю свою любовь и поклонение, наши артисты, не встали на защиту народных интересов в эти страшные, разрушительные времена, а в большинстве своем спрятались, ушли в тень, а некоторые пошли в услужение к власти? Непростой это вопрос, и в одном из редких своих интервью, которые последние годы жизни Сергей Федорович Бондарчук давал чрезвычайно неохотно, он все же ответил на него: «Бизнесом я не умею заниматься и не хочу. Считаю, что любая сделка таит в себе грязь. Если у нас провозглашают «деньги — это власть», то получается, что власть — это деньги. Это так и есть. Но деньги-то эти грязные. Как же может художник, если он таковым себя считает, именует, или просто человек, который занимается творчеством, принять эти грязные условия? Значит, нужно грязными руками все делать? И обманывать зрителя? Я никогда не пойду на это. Значит, я ненужный человек. Никому не нужный. То есть я — уходящий». Страшное признание, оно прозвучало в интервью «Правде» 9 июня 1993 года, а через год Сергея Федоровича Бондарчука не стало...

Поверхностным людям может показаться, что он ушел из жизни удовлетворенным, закончив главный, титанический труд — киноэпопею «Тихий Дон», телеверсию на десять часов экранного времени, с киновариантом в 2,5 часа. Действительно, работа над «Тихим Доном» была делом любимым, по благословению самого М. А. Шолохова, в свое время подарившего кинохудожнику первый том «Тихого Дона» с удивительной надписью: «Всеобщему племени Бондарчуку Сергею дай Боже...» Однако в том же интервью Сергей Федорович обронил: «Итак, закончен труд, завещанный от Бога», конечно, я должен быть счастлив, что мне удалось поставить эту картину, но моя глубокая скорбь в том, что это произведение не принадлежит моей Родине». И эта «глубокая скорбь», пропитавшая все существо художника, как он считал, потерявшего Родину, сгубила его.

— У меня было чувство долга очень сильно развито. — Долга перед кем?

— Перед Отечеством. Перед людьми. Чувство долга. Это очень важное чувство. А вот сейчас оно отсутствует.

— Почему?

— Да нет же ни Родины, ни прошлого, ни настоящего.

Это признание, выброшенное как нравственный вызов, на пределе искренности, — поступок для С. Ф. Бондарчука, человека волевого, сдержанного, даже закрытого в обиденной жизни, было криком отчаявшейся души. Но и этого общество, чрезвычайно равнодушное и жестокое по отношению к нему в последнее десятилетие, не пожелало услышать! И вот прошел всего лишь год, как успокоилось разорвавшееся от боли сердце страдальца, одного из самых крупных мастеров мира XX века.

Это давно признали и Феллини, и Джон Форд, и Лоуренс Оливье, другие выдающиеся мастера, и наша кинематографическая элита тоже заговорила наконец об этом вслух. Но не их признание нужно было при жизни Сергею Бондарчуку. Нужно было, чтобы не мешали работать. А этого-то и не было, и потому «Тихий Дон» пришлось снимать за рубежом и вынужденно приглашать на ведущие роли русских иностранцев. Если говорить о творческих планах

Призван судьбой

режиссера-постановщика, то главное откладывалось на будущее — мечта, озарившая в самом начале творческого пути, — экранизировать «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя, так и осталась мечтой, мечта, утверждавшаяся в период работы над экранизацией произведений и воплощении героев Л. Н. Толстого, — создать киноэпопею жизни этого уникального и удивительного русского писателя, мечта сделать картину по итоговой пьесе жизни А. П. Чехова — «Вишневый сад». Все осталось неосуществленным. И все же...

Мы будем говорить о человеке, полностью оправдавшем народную веру в него, истинно народном художнике, каждое открытие или достижение которого в искусстве соответствовало восхождению его души и нравственному становлению. В те счастливые для него советские времена, когда пресса широко и всесторонне отмечала 60-летие С. Ф. Бондарчука и присвоение ему звания Героя Социалистического Труда (к этому званию он в течение всей последующей жизни своей относился очень серьезно), в потоке телеграмм затерялась и эта, поражающая среди официальной напыщенности простотой и искренностью: «Сердечно поздравляю, радуюсь красотой и силой твоей народной души. Борис Андреев». Эта душа страдала и пела, мучилась в поисках единственного верного и честного решения нравственных конфликтов, восходила к удивительным открытиям и утверждению тех завоеваний человеческого бытия, которые и должны стать основой человеческих отношений. Так ему мечталось. И потому, когда перед нами проходят образы, созданные художником: коммунист Вальо в «Молодой гвардии», Андрей Соколов в «Судьбе человека», доктор Дымов из «Попрыгуньи» и доктор Астров из «Дяди Вани», Отец Сергей и Пьер Безухов, — все они — это Сергей Федорович Бондарчук, все не только жили на экране и утверждали его нравственность в жизни, но и каждый

из этих образов формировал его душу и остался в нем навсегда.

В наше подлое, предательское время, когда не только утрачены критерии человеческого порядочности, но и один за другим «сходят с дистанции» особенно тяжелого в наше время нравственного пути люди, которые еще вчера были примером стойкости и веры в высшие, завоеванные человечеством нравственные идеалы, человеческий облик С. Ф. Бондарчука возвышается удивительным примером личностной цельности и нравственной чистоты.

Его любимым героем остался на всю жизнь образ Тараса Шевченко, которого он сыграл в самом начале своей работы в кино. Что же так ценил в духовном облике великого Кобзаря С. Бондарчук? Есть в фильме эпизод, когда ссыльного Тараса Шевченко позвали в компанию пьяных офицеров, чтобы, напоив его, затем издевательскими спровоцировать на взрыв негодования и тем самым подвести под шпильку. Что помогало этому несокрушимо народному характеру переносить нравственные и физические муки? Вера, что даже в самых отплевых мерзавцах таятся на глубине души чувства высокие и гуманные. С огромным достоинством ведет себя Тарас Шевченко, поднимая бокал и спокойно произнося в ответ на издевательские выверты: «За ваших матерей, господа». Этот нравственный опыт он не забыл, а пронес через всю свою творческую и личную жизнь как одно из лучших своих нравственных завоеваний и повторил в другое время с тем же эмоциональным накалом в сцене, когда Андрей Соколов вызывает гестаповцев для расправы в бараке.

С. Ф. Бондарчук был удивительно ранимым и нежным в общении с близкими и со своими героями, которых воспринимал реально существующими людьми. Об этом однажды рассказала автору книги о художнике Нине Павловне Толче-

новой мать С. Ф. Бондарчука, когда речь зашла о роли доктора Астрова, сыгранной им в фильме А. Кончаловского «Дядя Ваня»: «...Сердце эта роль требует. Живого сердца. И живой души... Ну а на это он безотказный». Вся личная жизнь С. Ф. Бондарчука была подчинена творчеству, но творчеству не ради творчества, а тому, которое бы отвечало принципу — важность для жизни людей. «Это не я открыл, — подчеркивал он, — а Лев Толстой». В этой связи чрезвычайно показательно, как относился С. Ф. Бондарчук к созданному им характеру Отелло. Известно, что после просмотра фильма с участием Бондарчука Лоуренс Оливье прислал ему одобряющее письмо, а позже, при личной встрече, высказал Бондарчуку мысль о том, что Отелло надо играть в зрелом возрасте. Но вот недавно на телеэкранах прошел фильм Юткевича с участием Бондарчука в роли Отелло. И фильм, поистине образец гуманнейшего советского понимания классики, на фоне современного нравственного распада прозвучал с новой силой утверждения гуманизма. Трагический конфликт Отелло и Яго — А. Попова, проявление древнего, вечно занимающего человечество конфликта добра и зла в фильме решен как крушение личности Отелло, сброшенного интригами Яго в душевный хаос, приведший

ранее, и то волнение, которые охватывают всех нас в зрительном зале, когда на экране Бондарчук. Поколение, к которому принадлежит Сергей Федорович, — это то поколение двадцатилетних, которое приняло на себя удар фашизма и до конца испытало на себе всю античеловеческую суть войны. Вот где надо искать истоки того, что объединяет почти все его фильмы, — активный и страстный протест против войны. Вот почему созданный более двадцати лет назад фильм «Судьба человека» всегда будет волновать тех, кто его смотрит... Вот почему герои фильма «Они сражались за Родину» — не просто Иванов, Петров, Сидоров, это навечно оставшиеся в нашей памяти Борцы».

Его упрекали в том, что он мало снимал фильмов о современности, отдавая предпочтение классике, а он не устал утверждать, что искреннее, честное, сердцем прочтение классики и есть пик современности. На протяжении многих лет, особенно в последние годы, он цитировал слова Пьера Безухова о том, что порядочным людям надо объединяться, чтобы победить зло. Его не хотели слушать. И он стоял в своем, казалось, несокрушимом величии, как одинокий дуб в степи.

В последние годы жизни он был необычайно красив — грация юношеской стройности фигуры, увенчанной осянкой великолепной головы с отличным густой благородной седины и орлиным взглядом. Таким он запомнился — с неизменной камерой на плече в дни празднования 1000-летия крещения Руси (одно из тайных увлечений С. Ф. Бондарчука — любительские фильмы). Стойкость, с которой великий художник переносил змеинные укусы хулителей советского образа жизни, советского искусства, советских людей, видевших именно в нем их воплощение, и величие, и титаническую силу, была сродни подвижничеству. «Лично я не собираюсь менять ни своего отношения к жизни, ни к искусству, ни к людям. Я читал и буду читать те книги, которые любил, буду делать те фильмы, которые считаю нужными людям». И делал. До конца дней своих. В период, когда еще можно было что-то объяснить людям, надеясь на их прозрение, он пытался воздействовать на общество и через выступления в печати, и в открытых обращениях к людям. «Я часто задумываюсь о судьбах кино, — говорил он в интервью «Советской культуре», когда она еще носила имя «советская». — Шолохов говорил: «Трудно писать правду, а еще сложнее найти истину». Меня настаивает появляющаяся у нас в кино тенденция говорить только о темных сторонах человеческого бытия, которая может стать необратимой». Его не услышали. Вернее, не хотели слушать. Поток событий неумолимо нес общество в бездну крушения, и сила инерции оказалась сильнее голоса разума.

«Как противопоставить этой «черной серии» другое ощущение — уверенности человека в самом себе, вот в чем, я думаю, задача искусства?» С этим вопросом он оставил нас наедине с самими собой, уйдя убежденным в собственной правоте и цельности, оставив нам незатихающую боль совести и жажду раскаяния.

«Я всегда в творчестве — как актер и как режиссер — был свободен. Но моя свобода в корне отличается от сегодняшних «што хошь», бардака, хаоса, нравственного уродства... Свобода наступает тогда, когда в тебе творит природа...» И в этом нам еще не раз предстоит убедиться, когда возвышенными и обильными мы будем выходить с его фильмом, обливаясь слезами очищения и укрепляясь в вере в цельную и возвышающую силу гуманизма.

Галина ОРЕХАНОВА.